

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 148—155.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 148—155.

Научная статья

УДК 159.95/96

DOI: 10.46726/И.2023.4.17

ВЫСШАЯ ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ И СТЕПЕНЬ ЯСНОСТИ РЕФЛЕКСИИ (РАССУЖДЕНИЕ О СУБЪЕКТНОСТИ)

Лев Викторович Шабанов

Санкт-Петербургский военный ордена Г.К. Жукова институт

Национальной гвардии России, г. Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Аннотация. Проблема сознания не в том вопросе, высшая ли это форма развития количественно сложной материи в рамках её (материи) отражения окружающей среды, а в том, насколько ясно то, что мы называем рефлексией и апперцепцией, отражается качественно высшей нервной деятельностью организма. Является ли это сознанием, или дело не столько в сознании, сколько в создании организмом непротиворечивой «картины мира» для более эффективной адаптации в среде объективной и не зависимой ни от количества отражающих рецепторов, рефлекслируемых областью внимания и восприятия, ни от качества памяти об опыте отражения в представлении, воображении и мышлении реципиента. Да, сознание есть совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком внешнего материального мира и своего собственного не менее материального бытия. Но сознание — это и целеполагание (поиск опредмеченной потребности в её идеальной форме), т. е. отражение в психике субъекта в чувственных и мыслительных образах, апперцепция материального в проектах и схемах деятельности, духовных практиках, личных и общественных ценностях и идеалах.

Ключевые слова: сознание, психика, психические процессы, реактивность — проактивность, субъектность

Для цитирования: Шабанов Л.В. Высшая форма отражения и степень ясности рефлексии (рассуждение о субъектности) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 148—155.

«Сознание» — термин, пришедший из философии, но скорее всего имеющий более ранние корни, идущие из первобытных религиозных верований типа анимизма и магических практик. Уже в силу этой своей исключительной сложности и многогранности сознание определяется и как явление, и как процесс. При этом его соотносят как с до-, и даже вне- человеческими типами существ (анимизм, фетишизм, шаманизм), так и над- и пост- человеческими (ноосферность, космизм, софийность). Даже сегодня сложно говорить, что проблема Сознания является предметом интереса со стороны гуманитарных наук — естествознание и математика ищет сознание в техносфере искусственного интеллекта (изучаются формы познания, сущность субъект-субъектной коммуникации «человек — машина», происхождение и возможности изучения проявления сознательного и даже бессознательного в ЭВМ).

С позиции чистого идеализма, постулирующего первичность сознания по отношению к материи, сознание становится на позицию самостоятельной и созидающей сущности, которая определяет содержание и формы всех вещей и процессов. В этом смысле всё, что происходит во вселенной и с отдельным человеком не более чем игра разума — Сверхсознание воображает и уподобляет бесконечное превращение мыслеформ в формы материи.

Дуализм как форма, призванная примирить или уравнивать материю и сознание (*психофизиологический параллелизм*), в итоге разводит их по разным областям науки: «гуманитарное» сознание и «физиологическое» тело стали не зависимы друг от друга (*т. о. взаимосвязи психических и физиологических процессов в организме были потеряны*). С одной стороны, тело и сознание признавались как стороны одной и той же медали, с другой — разные школы утверждали то первенство тела над сознательным (*материализм неосознаваемых явлений*), то, наоборот, что сознание управляет телом, не признавая даже относительно нейтральных схем типа первичной установки или направленности (психологи-идеалисты даже темперамент «подчиняют» сознанию).

Чистый материализм (*материя первична, а сознание вторично*) изначально базировался на определении сознания как свойства высокоорганизованной материи, имеющей наиболее эффективно развитую нервную систему, которая формирует наиболее успешно адаптированную к окружающей среде психику. Материалисты исходили из того, что материя существует вне и независимо от сознания; сознание, в свою очередь, есть ни что иное как часть материи (*мозг человека*), явление материального (*продукт деятельности*), процесс, который не существует вне материи.

Таким образом, сознание вторично (но для человека точно — не второстепенно), хотя и производно от материи (*«мысль плоти моей»*):

1) исторически: сознание — это итог эволюционных изменений (*адаптации, которая двигала процессом эволюции*), но адекватность выживания организма как раз зависит не от приспособления (как у Ч. Дарвина), а от активного отражения окружающего мира настраиваемыми механизмами реактивного и проактивного поведения (как у Л.С. Берга);

2) психофизиологически: сознание определяется как *функция головного мозга человека*, но механизмы адаптации как раз заключаются в том, чтобы переформатировать объективный окружающий мир в то, что называется внутренним миром человека (*в субъективную «картину мира»*). Значит, интериоризация внешнего пространства, независимо от факторов среды, превращается в некий «внутренний мир» — субъективный, часто никак не зависящий от внешнего, после чего происходит экстериоризация образов, моделей, идей, решений во вне (*целеполагание, где цель может иметь материальный образ, а может быть и чисто идеальным объектом сознания*);

3) гносеологически: сознание — это не просто высшая форма отражения внешнего мира, но осмысленная и целенаправленная познавательная деятельность (*афферентация потоков информации создаёт интуитивный процесс афферентации для ответа на раздражитель*). Однако получается, что сознание (*уже не теоретически, но всё ещё в парадигме материализма*) регулирует деятельность организма (*борьба мотивов*) и формирует поведение человека (*сдвиг мотива на цель*).

В таком случае проблема сознания находится в границах четырёх координат:

А. Интенционализм (направленность) — здесь сознание есть знание, направленное на определённые предметности мира («гнозис о чём-то или о ком-то»). Интенция сообщается организму, подкрепляя образ восприятия и формируя информационную модель представления о предмете.

Б. Гилюзоизм — крайнее относительно проблемы сознания учение, описывающее мир как «мыслящее» вещество (у С. Лема «Солярис» как мыслящий космический океан, у А. Тарковского «Солярис» как познающая сущность, моделирующая очеловечивание космоса). Гилюзоисты, начиная с Дж. Бруно, приписывают способность ощущения всем видам материи (например, Д. Харауэй считал, что вещи способны мыслить, а Б. Латур описал даже специфический «парламент вещей» — будущие «техносфера» и «интернет вещей»).

В. Инструментализм — направление, которое наследует работе Ж.О. де Ламерти «Человек-машина» только на новом уровне. Теперь сознание рассматривается как «личный компьютер», функциональное назначение которого состоит в извлечении внешних «шумовых» раздражителей (*работа рецепторов — резонаторов тела*) и преобразование этого «шума» в информацию (*работа сознания*). Сначала это распознавание образов, информационное моделирование, вычисление и координация операций (по аналогии с искусственным интеллектом), а затем — оформление суждений в умозаключения с целью принятия решений (*субъектность*).

Г. Кондиционализм — это условная группа концепций, рассматривающих зависимость сознания от телесной организации, от строения и функций психики, бессознательного, факторов общения, социального окружения, культуры и истории человека. Это направление развивается в контексте логики философии И. Канта, упрощённо перефразируя ответ на вопрос «Что есть человек?» — но не в связи с Богом или в природе, а сам по себе (*по состоянию, функционально*). Кондиционализм ближе всего подошёл к проблематике теории человека как концепции личности в рамках «Общей психологии» и «Аналитической философии».

Эдвард Б. Титченер, раскрывая суть сознания, сравнивает его с волной, идущей из тёмных чертогов неосознаваемого, фокусируясь и усиливаясь на объекте (*осознавая его*). Эта «волна» пытается опознать нечто через метафору (*аналогов похожего*), структуру (*анализ и синтез*) и динамику (*изменяемость во времени и пространстве*). Однако и это объяснение не решает психофизиологическую проблему соотношения психики и сознания. Титченер приводит интересный образ. Он подобен гравюре или литографии с двумя видами одного города (*вид с Восточной стороны и с Западной*), очевидно, что оба этих вида, хотя и являются разными и не могут взаимодействовать между собой, есть один и тот же город; при этом очевидно, что восточный вид не может управлять западным, равно как и западный вид не может стать причиной восточного. Город же при этом продолжает быть единым и неизменным.

Таким образом, сознание — не есть граница «Тела-изнутри» (в меру его возможностей к интериоризации), равно как и тело — не есть граница «Сознания-извне» (в меру его возможностей к экстериоризации); границей становится некая субъектность индивида, которая посредством психических процессов и состояний переводит психофизиологическое (*телесное*) в психологическое (*сознательное*), являясь сама по себе и автором внутренней «картины мира», и актором деятельности в окружающем пространстве (реактивность — проактивность).

В общем виде субъектность как саморегуляция, с одной стороны, и самосознание — с другой, определяет действия элементов структуры сознания (связность взаимодействия психических процессов и состояний со свойствами и образованиями).

Так ощущение (как непосредственное отражение отдельных внешних сторон предметов и явлений) приводит сознание через внимание в восприятие к опознанию целостного объекта. Перефразируя З. Фрейда, можно сказать, что внешний мир пытается воздействовать (проявлять власть) на «Я» посредством постоянного изменения актуальности (смещая спокойствие гомеостаза в тревожность гетеростаза), но относительное постоянство памяти о прежнем состоянии позволяет осознать это и, запуская механизмы саморегуляции, вернуться назад — в гомеостаз.

Или мышление (как опосредованное отражение внутренней, сущностной стороны предметов и событий) переводит сознание через представление и воображение в речь. Речь как процесс определения дистанции «Я» от всего остального есть один из антропогенных факторов, что бесспорно. Но отсутствие воображения не просто уравнивает человека с животным, но и отказывает человеку в проявлении человеческого. А мышление, воображение, как и речь, тесно связаны с эмоционально-волевой сферой личности.

Воля в этом смысле есть практика сознания, метод обнаружения истинности, умение желать, способность действовать, навык осуществлять намеченное («воля есть сила жизни, безволие есть выражение отрицания жизни») — т. е. воля является одновременно и психическим процессом, и психическим состоянием (кроме этого, воля сопровождает множество психических образований, свойств, явлений). И всё это корреспондируется с образами восприятия и информационными моделями представлений о памяти этих образов.

Память (как способность запечатлевать, сохранять и воспроизводить информацию) отвечает за то, чтобы сознание сохраняло связность и устойчивость жизненного опыта. Она работает как «адаптер» внимания к представлениям (через *представление о памяти* и *представление о представлении*) и работает на устойчивость мышления (через *память о представлении* и *память о памяти*). Всё это координируется на закрепление или вытеснение (забывание) соответствующим эмоциональным фоном.

Эмоции (как сфера личностных, субъективно-психологических переживаний) влияют на настрой и тонус, радость, восторг и гнев, страх, предчувствия, любовь и ненависть, симпатии и антипатии. Эмоции и чувства формируют функции оценки и выбора — являясь и психическим процессом, и психическим состоянием. Самое интересное, что именно эмоциональный всплеск есть дорога к озарениям, инсайдам, катарсису (но и к аффектам, фрустрации, фобиям, депрессии) [Симонов: 5—27]. Сознание через эмоционально-волевую сферу открывает дорогу к опыту интуиции.

Интуиция (как способность непосредственного постижения истины путём прямого её усмотрения без соответствующего доказательства) рождает в сознании духовные идеалы, фантазии, продукты воображения, переводит «информационный шум» посредством процессов внимания и представления в волевое действие или приводит к воздержанию от него (в зависимости от элементов окружающей среды, выхваченных вниманием субъекта в процессе принятия решения).

Внимание (как сосредоточенность на интересующем нас объекте) является своеобразной «пред-памятью», управляющей процессами восприятия и

ощущения. Сознание оценивает раздражители и выстраивает иерархию информационной значимости, исходя из состояния собственного «рацио» — рассудка.

Рассудок (как низшая ступень логического представления и понятия о повседневной жизни) является опознавательным алгоритмом сознания для различения образов восприятия, представления, воображения и мышления через волевое управление вниманием в целях эффективной саморегуляции реактивного или проактивного поведения. Однако для выбора стратегий конвергентного или дивергентного мышления необходим особый фактор сознания — его вершина и качественное отражение той самой субъективной «картины мира».

Разум (как высшая ступень логического понимания) есть теоретическое, философски мыслящее сознание, оперирующее широкими абстракциями и обобщениями. Хорхе Л. Борхес в эссе «Два Философских Существа» описывает мраморную статую Кондильяка, который, дабы опровергнуть учение Декарта о врождённых идеях, описал мысленный эксперимент появления сознания через одно-единственное чувство — обоняние, которое последовательно инициировало сначала психические процессы, потом состояние рефлексии границы как разницы ощущений, потом сложные мыслительные решения, которые породили апперцепции понимания, способности волевого акта и, наконец, само сознание, порождающее понятие «Я». Следовательно, рождается и главная дистанция носителя сознания: «Я» из внешнего «не-Я-Среда». Эта дистанция формирует субъектность — способность к самостоятельной, ответственной, проактивной деятельности (в том числе и в нематериальном мире) [Шабанов: 277—288].

Проблема происхождения и сущность сознания в Российской психологической традиции всегда имела печать амбивалентности. С одной стороны, физиологи И.И. Мечников, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев отстаивали абсолютную материальность сознания как результата физико-химических процессов деятельности мозга [Яковлев: 97—127]; с другой — психологи Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Д. Шадриков, И.В. Дмитриевская говорили о «ментальных» процессах, психологии смыслов в целеполагании, «вчувственности» сознания субъекта деятельности [Шадриков: 8—39].

С одной стороны, сознание (как высшая форма и результат развития материи) — это сложное отражение (*изменение одного предмета под воздействием другого, передача особенностей одного предмета другому в процессе их взаимодействия*). Но подобное можно сказать и об отражении в неорганической природе — это механические деформации, так можно описывать физико-химические изменения, появляющиеся в результате взаимодействия (*нагревания, остывания, заполнения формы и т.п.*). Однако в данном контексте упускается факт того, как рефлекс (психическое отражение) становится рефлексией (сознательным осмыслением).

С другой стороны, сознание (как совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком внешнего мира и своего собственного бытия) — это целеполагание (в идеальной форме), т. е. отражение в психике субъекта в чувственных и мыслительных образах, проектах и схемах деятельности, в духовных ценностях и идеалах. Однако в данном контексте упускается факт того, как перцепция (восприятие через различение) становится апперцепцией (восприимчивостью через сознание).

Сознание, опираясь на материальное, имеет в качестве своей предпосылки физиологические явления (рефлексы) и, значит, являясь результатом

сложной перцепции, — вторично (В.И. Ленин, К.Н. Корнилов, Б.М. Теплов). Но сознание имеет творческий, активный характер, оно направлено на преобразование мира [Зинченко, Смирнов: 39—43], устремлено на новое и не всегда материальное (рефлексия), опредмечивая и объективируя результаты человеческой деятельности (апперцепция). Сознание, таким образом, становится первичным двигателем развития не только человека, но и всей эволюции природы, целью которой и является это конкретное сознание (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов).

Отсюда как раз и проистекает частое использование в советской психологии при неспецифическом дискурсе «нейтрального» понятия — сознательность (*изначально взятого из педагогики*). Однако предикция человека и его деятельности с точки зрения способности действовать и творить со знанием дела была тут же кооптирована в теорию деятельности, а затем получила отдельные уточняющие трактовки в частных областях советской психологической науки. Это и синоним разумности действия как характеристики исторического процесса (Б.Д. Парыгин), и указание на снятие противоречий относительно отсутствия сознательности и неосознаваемых психических и поведенческих процессов (Н.А. Бернштейн), и на спонтанную стихийность в теории функциональных систем (П.К. Анохин), и на проблему установки (Д.Н. Узнадзе).

Именно теория деятельности определила «сознательное» как произведённое событие (*пусть в рамках только одной задачи на большом пути к достижению цели*), но событие осознанное, обработанное аудиально-вербальной системой мозга и оформленное средствами языка.

Вербализация — универсальный инструмент среди используемых человеком знаковых систем. Отсюда и близость мышления и языка к сознанию. Мышление (*как эндopsихическое*) имеет направленность на сотрудничество и даже создаёт его содержание (*как экзopsихическое*). Отсюда и вербалика сознания (эгоцентрическая, внутренняя и внешняя речь), и стремление облечь процессы и результаты деятельности в языковые формы, и разные способы донести своё внутреннее понимание предмета иным людям других поколений через внешний носитель.

Но вернёмся к главной цели статьи. Высшая форма отражения и степень ясности рефлексии, создающие основания для субъектности, есть основа для складывающихся характеристик сознания. Проследим. Сознание характеризуется:

— активностью (т. е. *отражением реальности в форме образов, предвосхищая практические действия человека, придавая им целенаправленный характер*) — избирательность и целенаправленность активности практически напрямую корреспондирует с психикой, точнее с качеством протекания психических процессов;

— направленностью на предмет (*интенциональностью*), которая связана с возможностями не только реактивного, но и проактивного поведения, определяя во многом форму и содержание психических состояний и образований;

— способностью к само/рефлексии (*самонаблюдение / внутренний диалог / оценка себя со стороны*), что в первую очередь формирует потребностно-мотивационную сферу личности, которая через направленность на цель (интересы / желания) определяет ценность и значимость склонностей и влечений;

— степенями ясности (*от сосредоточенности до потери предмета мысли*), которые могут иметь критичное и некритичное понимание окружающей среды в зависимости от характера активности эмоционально-волевой

сферы, которая является главным создателем субъективной «картины мира», главным строителем отношений «Я» — «не-Я-Среда», главным «дирижёром» психических проявлений;

— самосознанием (*функцией контроля за деятельностью сознания и поддержанию его целостности*). Оно связано с функциями выделения и отличия человеком самого себя, своего «Я» от всего, что его окружает. Это сознательно-оформленный волевой акт дистанцирования «Я» от «не-Я-Среда» для самоопределения «кто Я?» и «что Я?» — со всеми экзистенциальными проблемами, связанными с субъектностью личности.

Вывод:

1. Сознание действительно имеет сложную структуру, которая строится как особое проявление *анперцепции* — как основного механизма опредмечивания окружающего пространства (от различения ощущений до позиций ноосферного восприятия действительности).

2. Сознание — если его рассматривать только как системное образование — не раскрывает перед нами необходимости своей целостности и единства с психофизической деятельностью организма, т. к. масса неосознаваемых психических явлений явно «перевешивает» процессы, связанные с сознанием, при этом обе части (сознание и неосознаваемое), отражая объективную реальность, сообщают «Я» единое наполнение субъективной «картины мира» («не-Я-Среда»).

3. Выстроенные в процессе опредмечивания реальности *составляющие сознания* переводят рефлексы и автоматизмы в оценочные блоки (*действие — результат*), что формирует поле рефлексии относительно своего поведения как распределения степеней ясности и проблемных зон (*как целостный процесс объективно сложившихся условий сочетания материального и идеального дистанцирования «Я» — «не-Я-Среда»*).

4. Совокупность всех перечисленных вещей (как *res*) создаёт субъектность человека как существа, способного к личному отношению (*анперцепция*), личностным поступкам (деятельность с *res*), обладающего свойствами самосознания и способностью транслировать свои состояния (чувствовать, запоминать, воображать, мыслить и говорить), что позволяет выступать субъекту в качестве создателя собственной онтологии (*картины мира*).

Список литературы / References

- Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 165 с.
(Zinchenko V.P., Smirnov S.D. Methodological issues of psychology, Moscow, 1983, 165 p. — In Russ.)
- Симонов П.В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 94 с.
(Simonov P.V. Lectures on the work of the brain. Need-information theory of higher nervous activity, Moscow, 1998. 94 p. — In Russ.)
- Шабанов Л.В. Образ восприятия и информационная модель представления как симфиз реальности и субъективной «картины мира» в объективации пространства современного человека // Генезис VI. Коллективная монография. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 277—288.
(Shabanov L.V. The image of perception and the information model of representation as a symphysis of reality and the subjective “picture of the world” in the objectification of the space of modern man, *Genesis VI. Monography*, Moscow, 2006, pp. 277—288. — In Russ.)

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.
(Shadrikov V.D. Mental development of a person, Moscow, 2007, 284 p. — In Russ.)

Яковлев А.И. Проблема материальности сознания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 184 с.
(Yakovlev A.I. The problem of the materiality of consciousness. Moscow, 2009,
184 p. — In Russ.)

THE HIGHEST FORM OF REFLECTION AND THE DEGREE OF CLARITY OF REFLECTION (REASONING ABOUT SUBJECTIVITY)

Lev V. Shabanov

Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order
of Zhukov Institute of National Guard of Russia Federation, St. Petersburg,
Russian Federation, lev.shabanov@mail.ru

Abstract. The problem of consciousness in modern psychology is ambivalent. On the one hand, it is the highest form of development of complex matter within the framework of environmental adaptation; on the other hand, this is what we call reflection and apperception of higher nervous activity. Is it consciousness or not, because it is the creation by our body a consistent “picture of reality” for effective adaptation in an objective environment and independent of the number of reflecting receptors, the reflected areas of attention and perception, or the quality of the reflection memory in the recipient's representation, imagination and thinking. Consciousness is a set of mental processes that are actively involved in a person's understanding of the external material world and his own no less material existence. But consciousness is also goal-setting (the search for an objectified need in its ideal form), i.e. reflection in the psyche of the subject in sensory and mental images, apperception of the material in projects and schemes of activity, spiritual practices, personal and social values and ideals.

Keywords: psyche, consciousness, mental processes, reactivity—proactivity, productive agency

For citation: Shabanov L.V. The highest form of reflection and the degree of clarity of reflection (discourse of subjectivity), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, no. 4, pp. 148—155.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шабанов Лев Викторович — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент; профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Г.К. Жукова института Национальной гвардии России, г. Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Shabanov Lev Victorovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor of the Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard of Russia Federation, St. Petersburg, Russian Federation, lev.shabanov@mail.ru